

**ГЕННАДИЙ
ШПАЛИКОВ**

«МОЖЕТ, Я НЕ ДОЖИВУ...»

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5+44
Ш 83

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.
В оформлении обложки использованы картины
Дмитрия Кустановича

© Г. Ф. Шпаликов (наследники), 2021
© А. В. Кулагин, статья, 2018, 2021
© Д. А. Кустанович, картины, 2015
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-18983-6

«ПОПРОБУЮ К ВАМ ДОТЯНУТЬСЯ...»

Литературное наследие Геннадия Шпаликова (1937–1974) разнообразно: стихи, сценарии, пьеса, проза, очерки, дневниковые записи. Но кажется, главной в его творчестве была лирическая нота. «Урожден поэтом», — сказала о Шпаликове дружившая с ним Белла Ахмадулина.

Сам поэт, наверное, очень удивился бы, если бы ему сказали, что когда-то будут издаваться книги его стихов. Многие его строки создают ощущение, что автор их к собственному лирическому творчеству относился не очень серьезно.

Вообще-то, с поэзией он дружил всегда. До нас дошли стихи, сочиненные мальчиком Геной, московским первоклассником, в начале 1946 года. Понятно, что стихи — детские. Но и став юношей, поступив волей семейной традиции в Киевское суворовское училище (семья была военной: отец, инженер-подполковник Федор Григорьевич Шпаликов, погиб на фронте; дядя по материнской линии, Семен Никифорович Перевёрткин, был крупным военным, генералом; в Киеве же у них жили родственники, которые могли бы в случае чего за Геной присмотреть), он продолжал писать, даже опубликовал в год выпуска, в 1955-м, два стихотворения в украинской республи-

канской молодежной газете «Сталинское племя». Писал то в духе любимого им и многими юношами его поколения Маяковского (когда повзрослел, то Маяковского для него потеснил Пастернак), то нечто «среднелирическое» — например, такое: «Звон трамвая голосист и гулок, / Парк расцвечен точками огней, / Снова я пришел на переулочек — / Переулочек юности моей» (это как раз из напечатанного в «Сталинском племени»). Можно подумать, что написано зрелым человеком, у которого за плечами многие годы. А автору всего-то семнадцать. Нет, такие стихи заметной поэтической фигурой его бы не сделали. Хотя они неплохи для того времени уже самим отсутствием советского официоза, прославления «строительства коммунизма» и прочей идеологической шелухи.

После окончания Суворовского училища юноша вернулся в столицу и поступил было уже во «взрослое» училище — в Московское пехотное имени Верховного Совета РСФСР. Но проучился там всего полгода и был комиссован по состоянию здоровья: во время учений сильно повредил мениск. Нет худа без добра. Шпаликов все больше тяготится воинской службой, а притягивает его письменный стол. Он ведет дневник, некоторые страницы которого читаются как небольшие рассказы и очерки, задумывает повесть о суворовцах. Повесть не состоялась, но курсантские впечатления отразились в рассказе «Патруль 31 декабря». В 1956 году, поколебавшись между Литературным институтом и ВГИКом, Гена выбирает ВГИК, сценарное отделение. Это тоже литературное творчество, но все же *другое*, лирического поэта

Однако Шпаликов оказался необычным сценаристом — сценаристом именно лирическим. На него очень сильно повлиял поэтический реализм в духе любимого им французского режиссера Жана Виго. Ленту Виго «Атланта» Шпаликов впервые увидел на учебном просмотре во ВГИКе и просто заболел этим фильмом. Такое же впечатление произвела на него короткометражка другого французского режиссера, Альбера Ламориса, «Красный шар». Эти фильмы были очень далеки от господствовавшего в советском кино соцреализма, с «идейно правильными» картинками и ходульными «положительными» героями. Сценарии, написанные Шпаликовым единолично или в соавторстве с режиссерами картин — «Застава Ильича» (1962; с Марленом Хуциевым), «Я шагаю по Москве» (1963), «Я родом из детства» (1966), «Долгая счастливая жизнь» (1966; этот фильм он и снял сам как режиссер — единственный в его творческой судьбе случай), «Ты и я» (1971; с Ларисой Шепитько), — именно поэтичны. В них, конечно, важен сюжет, но не менее важна и атмосфера. Скажем, Москва в советском «дошпаликовском» кино никогда не была такой уютной и «своей», не изображалась в манере, которую можно назвать, по аналогии с известным направлением в живописи, импрессионистичной: «...по самой середине улицы шла девушка. Она шла босиком, размахивая туфлями, подставляя лицо дождю. Девушка, наверное, сразу так промокла, что ей было все равно — стоять где-нибудь в укрытии или топтать по лужам. Была она не то чтобы красивая, но когда человеку хорошо, это сразу видно. Такого человека нельзя не заметить. Ребята смотрели на девушку из подъезда...» («Я шагаю по Москве»). Это больше

похоже на стихотворение в прозе, чем на текст сценария. Но это был сценарий; видеоряд же снятого режиссером Георгием Данелией фильма — одного из лучших в советском кинематографе вообще — этой манере соответствовал. Шпаликов выразил в своих сценариях первой половины шестидесятых дух Оттепели — ощущение молодости и свежести, открывшихся возможностей, когда кажется, что все мрачное осталось в опыте старших поколений. Официоз почувствовал эту свободную ноту и отреагировал резко: «Застава Ильича» подверглась резкой критике из уст самого Хрущева.

А что же стихи?

Они, на фоне сценариев (и, соответственно, фильмов), быстро сделавших молодому кинодраматургу имя, казались чем-то второстепенным, относящимся не к профессиональной, а к частной жизни их автора. Шпаликов и не пытался их опубликовать, прочитать со сцены, тем более что многие его стихотворения были шуточными, ироническими, и казалось, что они предназначены для дружеского круга, для молодежных посиделок, и не более того. Порой заметна недоработанность текста, в котором можно было бы еще выровнять ритм, подобрать более точное слово. Но автору это вроде бы и не нужно.

Между тем в его стихах идеологические и языковые клише советского времени *вышучивались вполне всерьез* (позволим себе такой оксюморон). Молодые люди «оттепельного» поколения оставались советскими людьми, но им уже открылись трагедия поколения отцов и двусмысленный разлад между словом и делом, нараставший во второй половине советской

ского Союза. Эта двусмысленность провоцировала иронию и эпатаж. Наталия Рязанцева, известный сценарист, первая жена Шпаликова (бра́к был студенческим и быстро распался; юные муж и жена напоминали сами себе не столько супругов, сколько друзей-единомышленников, а для семейной жизни этого оказалось мало), вспоминает: «Слова „стёб“ тогда не было, но сам стёб был». Так она характеризует поведение Гены (его и тогда, и позже все называли Генной; солидное имя Геннадий, не говоря уже об отчестве, с ним не вязалось), всегда готового к какой-то экстравагантной выходке. То в Доме кино снимет со стены понравившуюся ему картину и спокойно понесет ее к выходу (и, конечно, будет тут же остановлен бдительным вахтером). То выбросит за окно непонравившуюся ему книгу — чужую, между прочим. То покажет друзьям «автограф» Льва Толстого Геннадию Шпаликову, самим же Шпаликовым, конечно, и сочиненный. То, будучи совершенно «невыездным», куда как правдоподобно расскажет им о фантастической поездке в Италию на кинофестиваль, где он запросто болтал и выпивал со всеми звездами. Так проявляла себя его поэтическая натура в жизни. Но она проявляла себя и в его стихах. И в песнях.

Шпаликов оказался не просто поэтом, но поэтом поющим, одним из первопроходцев (как бы он пошутил над этим пафосным словом) авторской песни, возникшей в середине 50-х годов. Анчаров, Визбор, Окуджава, Городницкий — вот первые барды, творившие поначалу независимо друг от друга: до поры до времени, до появления первых бытовых (катушечных) магнитофонов, они друг друга не слышали. В начале 60-х бесцензурные, зачастую острые автор-

ские песни, не всегда зная имена авторов, распевала уже чуть ли не вся молодая интеллигенция. Песенной волне поддался и Шпаликов, оставивший после себя на фонограммах десяток таких песен. Судя по воспоминаниям друзей, в реальности песен у него было больше. Гена пел их в компаниях под собственный бесхитростный — честнее сказать, элементарный — гитарный аккомпанемент, пел монотонным, как будто напрочь лишенным эмоциональной выразительности голосом. И в этом уже был *стёб*.

Поначалу могло показаться, что петь он собирается всерьез. Вот, скажем, песня «Мы сидели, скучали...». Начинается она вполне лирически, обещает вроде бы развитие любовной темы: лирический герой и его спутница на прогулке по известным московским местам любят красивым городским пейзажем и радуются хорошему дню: «Мы сидели, скучали / У зеленой воды, / Птиц домашних качали / Патриарши пруды. / День был светлый и свежий, / Людям нравилось жить, — / Я был весел и вежлив, / Я хотел рассмешить». Но что-то здесь настораживает. Во-первых, как-то несерьезно поэт сокращает название Патриаршие, убирая последний слог. Ясно, что полное слово не вписывается в ритм, но ритм можно ведь в песне слегка и «растянуть». Во-вторых, если птицы «качаются» на воде пруда, то они уже не домашние, а дикие. В-третьих, не очень ясно, герой песни «скучает» или все же «весел»; одно с другим не сходится. В-четвертых, он хочет героиню «рассмешить», а само это намерение лирической обстановке (свидание, пруд...) как-то не очень соответствует. Поэт и нас, слушателей, хочет рассмешить и делает это за счет включения в текст политических моти-

вов, которых здесь более чем достаточно для того, чтобы у этих стихов — даже если бы автор и попытался их опубликовать — не было никаких шансов попасть в печать. Слушаем песню дальше: «Сочинял вам, не мучась, / Про царей, про цариц, / Про печальную участь / Окольцованных птиц. / Их пускают китайцы, / Чтоб потом наповал / Били птиц сенегальцы / Над рекой Сенегал». Можно подумать, что это абракадабра какая-то, все смешано в одну кучу: цари, царицы, китайцы, птицы, сенегальцы... Но в этой абракадабре прозрачно зашифрован намек на злободневные в ту пору события «культурной революции» в Китае. Там в конце 50-х годов прошла кампания по борьбе с воробьями, якобы уничтожающими посевы. Население выходило на улицы, не давало воробьям садиться на землю, и те падали от изнеможения. Смешно и печально. И глупо, потому что посевы уничтожались насекомыми, которых могли бы уничтожить воробьи, если бы они не были уничтожены людьми. А дальше Шпаликов обыгрывает, тоже комично, одну известнейшую в советские годы песенную строчку — «Комсомольцы-добровольцы» (из песни Фрадкина на стихи Долматовского): «Комсомольцы-добровольцы, мы сильны нашей верною дружбой, сквозь огонь мы пойдем, если нужно, открывать молодые пути...» Обычная советская песенная риторика. Шпаликов остро чувствует эти казенные штампы и вышучивает их, переводя на язык абсурда: «Не узнать добровольцам, / Что убийцы босы / И научные кольца / Продевают в носы». Так в автографе, а на авторской фонограмме — другой вариант: «Не узнать комсомольцам...» Вот они и сошлись, эти самые комсомольцы-добровольцы.

В другой раз Шпаликов мог пошутить над одним из символов Московского Кремля, а значит, и всего Советского Союза: «Стоял себе, расколотый, / Вокруг ходил турист, / Но вот украл Царь-колокол / Известный аферист. / Отнес его в Столешников / За несколько минут, / Но там сказали вежливо, / Что бронзу не берут» («Колокол»). Смешно не только то, что знаменитый Царь-колокол украли (в те времена еще не вошло в обыкновение отпиливать от монументов детали и сбывать их на металлолом), но и то, что в антикварном магазине в Столешниковом переулке его не приняли. И не потому, что это символ, а потому, что просто качеством не вышел. Правильно: какое дело бизнесу до политики? Но самое смешное начинается после этого. Аферист продал-таки свою добычу «британскому послу» (а эта страна, как и весь прочий «буржуазный» Запад, Советскому государству, конечно, враждебна), и теперь за границей из колокола штампуют «бронзовые запонки», кремлевский комендант же «в ужасе повесился», и для того, чтобы спасти честь мундира и всей державы, «повторили колокол из пресс-папье-маше». Ну вот, позор скрыт, и даже Рабиндранат Тагор, великий индийский поэт и большой друг советского народа, «ходил вокруг да около, / Зубами проверял, / Но ничего про колокол / Плохого не сказал». В 1961 году вышел документальный фильм «Великий сын Индии», в котором были кадры, где Тагор в самом деле изображен возле Царь-колокола. Не уловил ли проницательный молодой автор суть всей позднесоветской эпохи, когда видимость была важнее сущности и помпезные съезды и марши прикрывали постепенно нарастающую агонию государственной системы?..

Шпаликов шутил не только в песнях, но и в стихах, которых он не пел. А может быть, и пел, да только записей таких нет. Причем поначалу текст стихотворения мог казаться чисто лирическим, серьезным, настраивающим на высокий лад общения с классическим искусством: «О, Квазимодо, крик печали, / Собор, вечерний разговор, / Над ним сегодня раскачали / Не медный колокол — топор. / Ему готовят Эсмеральду, / Ему погибнуть суждено, / Он прост, как негр, как эсперанто, / Он прыгнет вечером в окно» («Квазимодо»). Однажды на вечере памяти Шпаликова известный актер прочитал эти стихи с серьезной, трагической интонацией. А ведь сравнения с негром и эсперанто (и почему они вдруг «просты»?) могли бы насторожить, показаться абсурдными. Как мог бы насторожить и финал стихотворения: «...Гюго откладывает ручку, / Зевает и ложится спать». Шутка, конечно. На самом деле Шпаликов написал эти стихи на спор с Рязанцевой. Он сказал ей, что может написать стихи на любую тему за двадцать минут. Она в ответ: тема — Квазимодо. И он написал.

Другой пример: «Любите вы Листа, Моцарта, Сальери, / Лавки букинистов, летний кафетерий, / Споры о Шекспире и о Кальдероне / В городской квартире в Киевском районе...» Замечательная атмосфера: лавки букинистов, летний кафетерий... Только и знай, что говори о литературе и музыке. Но не заметили подвоха? Ну да, конечно: *Сальери*. Рядом с именем Моцарта это имя звучит весьма двусмысленно. Сальери же отравил Моцарта! Исследователи, правда, не уверены, что так оно и было, но репутация убийцы великого композитора, в русской культуре созданная ему Пушкиным, безжалостно преследует

Сальери уже два столетия. В стихах же Шпаликова перечисление этих имен на равных создает комический эффект. Это все равно что перечислить в одной строке «Пушкина, Дантеса» — за вычетом трагического смысла такого сочетания (конечно, смерть Моцарта в любом случае тоже тема невеселая, но все-таки он от нас как-то «дальше», можно и слегка пошутить). Да и упоминание «городской квартиры в Киевском районе» звучит как сниженное, особенно на фоне дальнейшей строки о французской столице: «Ах, Париж весенний! Как к тебе добраться?» Это ведь не в Киевском районе, а в недоступном Париже «лавки букинистов, летний кафетерий...». Здесь же поэт иронизирует и над «патриотическим» осуждением пристрастия к Западу: «Вы себя погубите западной душою, / за границу любите — ох, нехорошо». А что же у нас? Узнаём в самом финале: «Любите вы Брамса, / нравится вам Врубель, / Так подайте рубль, / дорогие братцы». Можно не комментировать — напомнить только, что поэт обыграл название романа Франсуазы Саган «Любите ли вы Брамса?» и одноименного французско-американского фильма по этому роману. Но заметим, что в шуточных стихах, с присущим им контрастом поэтического парижского и скудного московского быта — да еще и быта сидящего без денег «любителя искусств», — ощущается мастерская работа со словом, неожиданные и оригинальные рифмы, в том числе и внутренние, когда созвучны не только концовки стихов, но и слова внутри их: «Листа — букинистов», «Сальери — кафетерий», «Шекспире — квартире», «Кальдероне — районе»; «Брамса — братцы», «Врубель — рубль». Поэт подобрал рифму к каждому «западному» имени!

Сам автор трагедии «Моцарт и Сальери» вниманием Шпаликова тоже обойден не был. В числе его шутивных стихотворений-песен было и начинающееся строчкой «Я шагаю по Москве...» — строчкой, затем давшей название сценарию, по которому и была снята знаменитая кинокартина. Не будем ее путать со знаменитой песней «Бывает все на свете хорошо...», сочиненной как раз для этого фильма и имеющей припев «А я иду, шагаю по Москве...». Она, кстати, тоже не лишена не всегда замечаемого слушателями «стёба», абсурдных ноток («летняя гроза» после «нормального летнего дождя», готовность пройти «соленый Тихий океан» и отыскать «под снегом фиалку»...). Так вот, Пушкин выглядит в стихах как москвич шпаликовской эпохи, жилец обычной квартиры в обычном доме: «Здесь когда-то Пушкин жил, / Пушкин с Вяземским дружил, / Горевал, лежал в постели, / Говорил, что он простыл». Аналогичный мотив звучит, кстати, и в сценарии «Я шагаю по Москве»: «Вон в том доме, — Колька показал Володе маленький, утопающий в зелени особнячок, — когда-то жил Пушкин». В ответ на вопрос собеседника-сибиряка: «А теперь?» — юный москвич глазом не моргнув отвечает: «Теперь родственники. Правнук, например. За „Торпедо“ края играет». Это напоминает, может быть, комические хармсовские «Анекдоты из жизни Пушкина» («Как известно, у Пушкина никогда не росла борода», и все в таком духе) и предвосхищает позднейшие стихи шпаликовских современников, тоже поющих поэтов, оказавшихся с Пушкиным «на дружеской ноге», — Окуджавы («Счастливчик Пушкин») и Высоцкого («Лукоморья больше нет»). Разумеется, в этом не было насмешки над Пушкиным —

стихи и Хармса, и Шпаликова, и Окуджавы с Высоцким интуитивно противостояли выхолащиванию классики, наведению на нее хрестоматийного глянца.

Но как раз Пушкин-то, может быть, и стал для Шпаликова тем внутренним «водоразделом», который проводит границу между смешным и серьезным, открывает нам лирического поэта, умевшего не только шутить. У Шпаликова есть небольшой цикл «Три посвящения Пушкину», в прозрачной атмосфере которого ощущается даже легкая стилизация в пушкинском же духе, узнаются некоторые пушкинские лирические мотивы — например, из его знаменитого стихотворения «19 октября», обращенного к лицейским друзьям («Поговорим о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви»). У Шпаликова же читаем: «Влетел на свет осенний жук, / В стекло ударился, как птица. / Да здравствуют дома, где нас сегодня ждут! / Я счастлив собираться, торопиться. / Там на столе грибы и пироги, / Серебряные рюмки и настойки, / Ударит час, и трезвости враги / Придут сюда для дружеской попойки. / Редееет круг друзей, но — позови, / Давай поговорим, как лицеисты, — / О Шиллере, о славе, о любви, / О женщинах — возвышенно и чисто». Это строки очень личные. Во-первых — «круг друзей». В жизни Шпаликова друзья занимали очень значительное место. Это была дружба еще студенческая, пронесенная через всю жизнь: режиссер Юлий Файт, сохранивший шпаликовский архив и передавший его в Музей кино, подготовивший к изданию несколько книг своего покойного друга; сценарист Павел Финн, сделавший Шпаликова одним из

16 главных героев своей книги «Но кто мы и откуда»,

в которой соединилось мемуарное и романное повествование; кинооператор Александр Княжинский, камерой которого снята последняя (если не считать фильма по стихам Есенина «Пой песню, поэт») картина по Шпаликовскому сценарию — «Ты и я», драматичная история уже не юных людей, которым пришла пора проверить на прочность и юношескую дружбу, и юношеские идеалы, — и не все эту проверку выдерживают. Дружил Шпаликов и с Андреем Тарковским (они оба, а еще Василий Шукшин изображены на тройственном памятнике у входа во ВГИК как самые, может быть, замечательные его выпускники), с художником Михаилом Ромадиным, оформившим первую — посмертную — книгу Гены, вышедшую спустя пять лет после его кончины...

С дружеским кругом связан, конечно, и мотив «дружеской попойки», но дело здесь, во-вторых, не только в этом. Чем старше становился Шпаликов, тем острее ощущалась в нем житейская неприкаянность, бездомность — хотя у него образовалась новая семья. Он женился на киноактрисе Инне Гулая, прославившейся главной ролью в фильме Льва Кулиджанова «Когда деревья были большими». В 1963 году родилась дочь Даша.

Инну Шпаликов снял в главной роли в своем фильме «Долгая счастливая жизнь». В этой кинокартине вообще много личного. Герой ее — Виктор, человек тридцати с лишним лет, с немалым уже жизненным опытом за плечами. В первых фильмах Шпаликова героями были юноши; кажется, теперь его герои повзрослели вместе с автором. Сам фильм — почти бессюжетный, здесь происходит встреча муж-

чины и женщины, вроде бы обещающая их возможный союз, *долгую счастливую жизнь*. Но ничего не получается — и вряд ли могло бы получиться, понимает зритель. У Виктора остается лишь воспоминание о Лене, заставляющее воображать встречу, которой уже не бывать: «Нахлынуло, накатило что-то, и потянуло вдруг снова увидеть человека, которого он и знал всего сутки и очень приблизительно». Автор фильма уловил и выразил поворот от «оттепельной» эйфории к рефлексии последующих лет, ставших для целого поколения, выражаясь словами другого поэта, «временем пересчета» (Твардовский).

Несмотря на явную творческую удачу семейного тандема (фильм «Долгая счастливая жизнь» в 1966 году получил приз на фестивале авторского кино в итальянском городе Бергамо), и здесь настоящей семьи не получилось. Каждый из супругов был яркой личностью, звездой (правда, звезда Инны светилась недолго, снималась она мало) — а звезда со звездой, как известно, не сходятся. Неуправляемый Генаечно исчезал, потом возвращался, просил прощения, и все шло по тому же кругу. Так что «грибы и пироги, серебряные рюмки и настойки» созданы поэтической фантазией: увидеть все это он мог разве что в чужом доме. Сходная ностальгия по домашнему теплу и уюту прозвучит у Шпаликова и в других стихах: «Прощай, Садовое кольцо, / Я опускаюсь, опускаюсь / И на высокое крыльцо / Чужого дома поднимаюсь» («Садовое кольцо»). Или вот в этих, где единственным реальным домом лирического героя оказывается пустынный ночной город — символ одиночества:

18 «Не принимай во мне участия / И не обманывай жи-

льем, / Поскольку улица отчасти / Одна — спасение мое... / Пустые улицы раскручивал / Один или рука к руке, / Но ничего не помню лучшего / Ночного выхода к реке... / Все было празднично и тихо / И в небесах, и на воде. / Я днем искал подобный выход / И не нашел его нигде» («Не принимай во сне участия...»).

Что поддерживало его в этой бесприютности? Работа, конечно. Шпаликов ухитрялся писать и в таких условиях, живя по большей части в домах творчества кинематографистов (Болшево) и писателей (Переделкино). Как член творческих союзов, он имел право на путевки. Ночуя порой у кого-нибудь из друзей и знакомых, с доброй завистью разглядывал корешки книг в больших домашних библиотеках. У него самого настоящей писательской библиотеки и кабинета никогда не было. Он мог зайти на почту и перьевой ручкой, макая ее в чернильницу (в 70-е годы в почтовых отделениях были для общего пользования именно такие), написать стихотворение. Выходило, что почта — самое подходящее для литературной работы место. Порой ночевал даже на уличной скамейке.

Поддерживала — и питала творчество — и память о детских годах, пришедшихся на войну. Шпаликов был очень «автобиографическим» художником. Когда-то, в середине 60-х, он вывел в сценарии картины о военном времени «Я родом из детства» всю свою семью: родителей, себя и младшую сестру. На исходе жизни его снова потянуло в детские годы — на сей раз годы «суворовские», киевские. Да, дух казармы был ему чужд, военная судьба его, слава богу, миновала. Но была память о мальчишеской дружбе, и чем меньше жизненных опор оставалось

у взрослого Геннадия Шпаликова, тем прочнее казался ему мир, окружавший его в начале жизни. Об этом — не ставший фильмом сценарий «Воздух детства». В текст сценария Шпаликов включил одно из лучших своих стихотворений (впоследствии, уже после ухода поэта из жизни, Николай Губенко, в молодости снявшийся в «Заставе Ильича» Шпаликова и Хуциева, использовал его в своем фильме «Подранки»): «...Путешествие в обратно / Я бы запретил, / Я прошу тебя, как брата, / Душу не мути. / А не то рвану по следу, / Кто меня вернет? / И на валенках уеду / В сорок пятый год. / В сорок пятом угадаю, / Там, где — боже мой! — / Будет мама молодая / И отец живой» («По несчастью или к счастью...»).

Ставить «Воздух детства» собиралась киевская Киностудия имени Довженко, но эти вечные шпаликовские срывы... Да и время «поэтического» кино, каковым и виделась сценаристу задуманная им картина, к этому времени уже прошло... Но пока дело не провалилось окончательно, Гена подолгу бывал в Киеве, постоянно виделся со своим старшим другом (Гене он годился в отцы) писателем Виктором Некрасовым — Викой, как звали его друзья. Некрасов, когда-то лауреат Сталинской премии, полученной за роман «В окопах Сталинграда», теперь был в опале из-за независимой литературной позиции и связей с диссидентами. В Киеве друзья «погуливали», но посиделки их были не очень веселыми. Будучи под жестким давлением властей, Вика решил уехать из страны. Это произошло 12 сентября 1974 года. В октябре Гена написал посвященное ему стихотворение, одно из самых своих последних и пронзитель-

ных: «Чего ты снишься каждый день, / Зачем ты душу мне тревожишь? / Мой самый близкий из людей, / Обнять которого не можешь...»

А еще шпаликовская неприкаянность — как, впрочем, и некрасовская опала — искупалась чувством свободы, внутренне присущим каждому настоящему художнику. Свободы от лицемерия советского официоза, от редакторско-цензурских запретов. Свободы писать то, что хочешь и так, как хочешь, шутить там, где смешно, и печалиться там, где печально. Может быть, в этом — главное объяснение и его «стёба», и его «анархизма», поэтической несовместимости с официальным, «организованным свыше» искусством. Хотя это чувство свободы и было, конечно, приправлено горечью: «Вольным — вольная воля, / Ни о чем не грущу, / Вздохом в чистое поле / Я себя отпущу. / Но откуда на сердце / Вдруг такая тоска? / Жизнь уходит сквозь пальцы / Желтой горстью песка» («Остается во фляге...»).

Предчувствие было точным: жизнь и в самом деле уходила. Когда-то в молодости он написал и напел под гитару стихи о смерти, которые друзьям казались шуточными (они и были сочинены как шуточный подарок на день рождения одному из друзей), а теперь звучат как пророческие и трагические: «Ах, утону я в Западной Двине / Или погибну как-нибудь иначе, / Страна не пожалеет обо мне, / Но обо мне товарищи заплачут. / Они меня на кладбище снесут, / Простят долги и старые обиды, / Я отменяю воинский салют, / Не надо мне гражданской панихиды». Шутка — потому что поэт, с его обостренным ощущением фальши официоза, иронизирует над совет-

ским церемониалом, над «большими» кремлевскими похоронами «настоящих коммунистов, продолжателей дела великого Ленина», как об этом говорилось в некрологах. Но ведь звучит здесь и всерьез мотив собственного ухода из жизни.

Шпаликов не утонул в Западной Двине. Он погиб «как-нибудь иначе»: повесился в Переделкине 1 ноября 1974 года. О мотивах этого шага можно только гадать. Неприкаянная и бездомность, вязкая и гнетущая атмосфера застоя, творческая нереализованность, чувство бесперспективности работы в стол (сценарий — не роман, он не может лежать пятнадцать лет до очередной «оттепели», его ставят или сейчас, или никогда)... А может быть — все это сразу? Ему было тридцать семь лет — роковой для русских поэтов возраст. Закончился его недолгий земной путь, но осталось исполненное лиризма и оттого обращенное к нашей душе творчество. «Я к вам травую прорасту, / попробую к вам дотянуться, / как почка тянется к листу, / вся в ожидании проснуться...»

Откликнемся же поэту.

Анатолий Кулагин

СОДЕРЖАНИЕ

А. Кулагин. «Попробую к вам дотянуться...»	5
Автобиография	23

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

«По несчастью или к счастью...»	27
«Москва сортировала поезда...»	28
«Спой ты мне про войну...»	29
«Городок провинциальный...»	31
«Я жизнью своей рискую...»	32
«Не пойте песен про войну...»	34
Половина девятого	35
Обвинение дождю	36
Читая Маяковского	37
«Так служим Отчизне...»	38
«Не смотри на будущее хмуро...»	39
Грустное	40
«Я тебя девчонкой знал когда-то...»	41
Редкое сновидение, или Жалко, что не в жизни	43
Десять лет	45
Можайск	46
Переулочек юности	47
Надоело!	49
«Я жил как жил...»	52
«Бывает все на свете хорошо...»	53

«Есть у раздражения...»	54
Батум	55
«У лошади была грудная жаба...»	56
«Мертвец играл на дудочке...»	57
«То ли страсти поутихли...»	58
«Я шагаю по Москве...»	59
«Сегодня пьем...»	60
«Разговор о чебуреках поведем...»	61
«Что за жизнь с пиротехником...»	62
Из послания П. Финну	64
Паше, в утешение	65
«Меня влекут, увы, не те слова...»	66
«Друг мой, я очень и очень болен...»	68
Квазимодо	69
«Тишинский рынок, эх, Княжинский рынок...»	71
«Ударил ты меня крылом...»	72
«Нескладно получается...»	73
Сентябрь	74
Палуба	76
«Все лето плохая погода...»	77
«Обожал я снегопад...»	79
«Тебе со мною скучно...»	80
«На подоконнике жена...»	81
«Может, я не доживу...»	82
Стихи о выздоровлении	84
«Ах, утону я в Западной Двине...»	86
«Поэтам следует печаль...»	87
«Наташа, ты не наша...»	88
В Ленинграде	89
«Свадьбы, коим мы не судьи...»	90
«Все неслышней и все бестолковей...»	91
«От мороза проза...»	92
«Цветет себе, не опадая...»	93

«По белому снегу...»	94
«Самолеты как мороженые рыбы...»	96
Зима	97
В ту зиму	99
«В январе уже тепло...»	100
«Незаметен Новый год...»	101
«Справляли мы поминки...»	103
Снег в апреле	104
«В лето хорошо бы без билета...»	105
«Под ветром сосны хорошо шумят...»	106
«Понедельник, понедельник...»	107
Сон	108
Бессонница	109
«Не насовсем прощались...»	111
Песенка	112
«Моя веселость неуместна...»	114
Садовое кольцо	115
«Не принимай во мне участия...»	116
«В темноте кто-то ломом колотит...»	117
«Ах, улицы, единственный приют...»	119
«Я сетую. На что я сетую?...»	120
«Ничего не получалось...»	121
«Чего ты снишься каждый день...»	122
«Людей теряют только раз...»	123
Стихи к 8 Марта	124
«Стихи — какие там стихи?...»	127
«За стеною, на баяне...»	129
Долги	130
Три посвящения Пушкину	131
Утро	133
«Бывают крылья у художников...»	134
«Я иду по городу...»	135
«Неправда — жизнь не оборвалась...»	137

«Зубы заговаривал...»	138
«Хоронят писателей мертвых...»	140
«Я пуст, как лист...»	142
«О, когда-нибудь — когда?...»	143
«Спаси меня, Катя Васильева...»	144
Баллада про тихое отчаяние	145
«Вчерашний день погас...»	148
«Ни словом, ни делом...»	149
«Есть такая девочка...»	150
«Живет актриса в городе Москве...»	152
Песенка во сне	155
«Остается во фляге...»	157
«Отпоют нас деревья, кусты...»	158
«Я к вам травую прорасту...»	159
«Я помню, а ты и не вспомнишь...»	161
Театр теней	162
«С утра по крыше ходит кот...»	164
Стихи 7 октября	170
После просмотра «Детей райка» — осенью 1973 года ..	171
Даше	173
«Прощай, мое сокровище...»	175
«Жили-были волки...»	176
Колыбельная	177
«Не прикидываясь, а прикидывая...»	178
Я ШАГАЮ ПО МОСКВЕ. Сценарий	179
ПРОЗА	
Патруль 31 декабря. Рассказ	253
Отдельные записи	270
Лето 1958 года. Дневник	282
Наброски	327
Примечания	345

Шпаликов Г.

Ш 83 «Может, я не доживу...» : стихотворения, сценарий, дневники / Геннадий Шпаликов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 352 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-18983-6

Имя Геннадия Шпаликова, поэта, сценариста, неразрывно связано с «оттепелью», тем недолгим, но удивительно свежим дыханием свободы, которая так по-разному отозвалась в искусстве поколения шестидесятников. Стихи он писал всю жизнь, они входили в его сценарии, становились песнями. «Пароход белый-беленький» и песни из кинофильма «Я шагаю по Москве» распевала вся страна. В 1966 году Шпаликов по собственному сценарию снял фильм «Долгая счастливая жизнь», который получил Гран-при на Международном фестивале авторского кино в Бергамо, но в СССР остался незамеченным, как и многие его кинематографические работы. Ни долгой, ни счастливой жизни у Геннадия Шпаликова не получилось, но лучи «нежной безнадежности» и того удивительного ощущения счастья простых вещей по-прежнему светят нам в созданных им текстах.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-5+44

Литературно-художественное издание

ГЕННАДИЙ ФЕДОРОВИЧ ШПАЛИКОВ

«МОЖЕТ, Я НЕ ДОЖИВУ...»

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Светлана Федорова, Лариса Ершова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.03.2021. Формат издания 70 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 14,19. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-PTR-27669-01-R